

**PRINCEPS ET DOMINUS:  
К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ  
ПРИНЦИПАТА В НАЧАЛЕ  
ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЭПОХИ**

Со времен Т.Моммзена утвердилось представление о принципате и доминате в качестве двух эпох в истории Римской империи. Кризис III века логически разделяет принципат, рассматривающийся как синтез республиканизма и монархизма, и доминат - монархию. Представление о кризисе в любой его трактовке удобно объясняет усиление абсолютистских черт в римской государственности IV в. В российской науке долгое время считалось, что уже при Северах принципат выродился в военно-бюрократическую монархию, которая при Диоклетиане окончательно лишилась всяких республиканских форм и пережитков<sup>1</sup>. Уже в III в. захватившая лидерство в западных провинциях землевладельческая аристократия отводила императору роль военного орудия<sup>2</sup>. Считавшаяся безусловной военной властью (*imperium*) как будто не могла быть отобрана у ее носителя. Тогда как гражданская власть, доверенная принцепсу сенатом и народом, была условной в том смысле, что зависела от соотношения общественных и политических сил. Более длительное сохранение в восточных провинциях муниципально-полисного строя позволило утвердиться здесь сильному монархическому режиму<sup>3</sup>. При этом абсолютная монархия ранней Византии опиралась на традиционные ценности и устои гражданского общества<sup>4</sup>. Восточно-римский император, обладая деспотической властью, мыслился не господином сограждан, а центральной фигурой гражданского коллектива. Обожествлению подвергалась не его личность, а место, которое он занимал в обществе. Однако такой абсолютизм немногим отличается от принципата.

В законодательстве позднеантичные императоры именовались принцепсами. Но в общественной практике обращение *dominus* стало внедряться с начала императорской эпохи. Запреты Августа и последующих императоров именовать себя *dominus* свидетельствуют об

---

<sup>1</sup> *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М.,1917. С. 50 и след.; *Сергеев В.С.* Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Ч. 2. С. 607 и след.

<sup>2</sup> *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М.,1957. С. 258 и след.; *История Европы.* М.,1988. Т.1. С. 630 и след.

<sup>3</sup> *Курбатов Г.Л.* Политическая теория в ранней Византии: Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // *Культура Византии.* М.,1984. Т.1. С. 98 и след.; *Он же.* Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 17 и след.

<sup>4</sup> *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты ... С. 40.

устойчивой тяге современников к этому титулу<sup>5</sup>. С начала III в. известны эпитафические свидетельства этой тенденции<sup>6</sup>. Однако до конца III в. термин *dominus* изгонялся из официальной императорской титулатуры. Открыто претендовали на него Калигула, Нерон, Домициан, Коммод, вошедшие в римскую традицию в качестве "дурных императоров", тиранов. В "Панегирике Траяну" (45. 3) Плиний писал: "Ты хорошо знаешь, как различны по своей природе деспотия (*dominatio*) и принципат; итак, именно тем особенно дорог принцепс, кто больше всего тяготится деспотом (*dominus*)". Но случайно (в греческой редакции) сохранный Модестином фрагмент постановления Антонина Пия показывает, что и этот "благочестивый" принцепс мог считаться господином<sup>7</sup>. Однако открыто позволил называть себя *dominus* только Диоклетиан<sup>8</sup>.

Вероятно, в античности различие между понятиями *princeps* и *dominus* не имело столь абсолютного характера, который придала ему современная наука. Различаясь одной стороной своего содержания, эти понятия соприкасались другой. Сочетание этих понятий в обыденной и официальной речи показывает, что политическая мысль римлян постоянно стояла перед дилеммой, считать императора принцепсом или господином. В каждое из понятий вкладывалось определенное содержание. Принцепс ассоциировался с первым гражданином, хотя бы в теории подконтрольным сенату. *Dominus* возвышался над гражданским коллективом, не отделяясь, впрочем, от него. Эта дилемма имела достаточно определенные социальные и юридические основания.

До издания эдикта Каракаллы 212 г. сравнительно ограниченный коллектив римских граждан противостоял провинциалам и рабам. Римские граждане господствовали над ними. Даже если считать вслед за Е.М. Штаерман, что гражданский коллектив как социальная реальность утратил смысл в эпоху Империи, как идеологическое и юридическое сообщество он продолжал оставаться реальностью. Император вынужденно выступал предводителем (*princeps*) этого господствующего класса. Объективно он находился в двойственном положении. В качестве принцепса он был лидером, вождем гражданского коллектива. В качестве императора он выступал правителем всего населения империи. Задачи, решавшиеся правителем и вождем, не всегда совпадали. Императоры, ориентировавшиеся на гражданский коллектив, оставили о себе хорошую память. Другие пытались или были вынуждены обстоятельствами решать общеимперские задачи, ущемлявшие интересы привилегированного класса граждан. Они рассматривались как тираны. Любые попытки императора возвыситься не только над подданными, но и над гражданами должны были встречать противодействие. Органом такой объективно обусловленной оппозиции был сенат. Он выступал оплотом гражданских традиций. Их можно назвать республиканскими. Ведь уже Сенека считал, что принцепс - это тот, в кого обратилась республика (*in quem se res publica convertit*). Республика

<sup>5</sup> *Suet.* Aug. 53. 1; Tib. 27; SHA: Al.Sever.4. 1.

<sup>6</sup> Ferrale Durarum. Col. II. 16; CIL.XI. 3089. На монетах Септимия Севера впервые появляется надпись *dominus noster*, на монетах Каракаллы - изображение императора в лучистой короне (Смышляев А.Л. "Речь Мецената" (*Dio Cass.* 52. 14-40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. N 1. С.64. Примеч. 53).

<sup>7</sup> D.14. 2. 9.

<sup>8</sup> *Aur.Vict.* Caes. 39. 4;29.

в данном контексте это только римские граждане. "Плохими" императорами становились те, кто пытался относиться к подданным - перегринам как к гражданам (Клавдий, Нерон) или к гражданам как к подданным (Калигула, Домициан). Сенат объективно выступал блюстителем грани между гражданами и перегринами.

Роль и влияние сената не уменьшались ни в I, ни во II в. даже после создания императорского аппарата из отпущенников и рабов. Раздача гражданских прав провинциалам не изменила соотношения сил в пользу принцепса. Чтобы уравновесить влияние сената Антонины противопоставили гражданским магистратурам аппарат из всадников. Это позволило Коммоду, а затем Северам возвыситься над сенатом, но лишило их поддержки гражданской традиции. Результатом была вынужденная опора на армию. Однако она не давала устойчивой социальной основы. Вероятно, с целью обеспечить ее и было даровано римское гражданство провинциалам в правление Каракаллы.

Независимо от реального общественного значения этого акта, эдикт 212 г. был важным юридическим рубежом в развитии Империи. Гражданский коллектив многократно увеличил свои размеры, что привело к смещению акцентов в социальной структуре. Прежде граждане были окружены массой рабов, перегринов, дедитициев и, в отдалении, варваров. Теперь же рабы, перегрины и дедитиции составили меньшинство в окружении граждан. Это изменение социальной основы послужило причиной кризисных явлений в римском обществе III века. В течение нескольких поколений вырабатывались формы, в которых новые граждане могли бы приобщиться к римскому гражданскому праву.

Оставаясь первым гражданином разросшегося гражданского коллектива, принцепс существенно изменил свое положение по отношению к подданным. Он перестал быть вождем класса граждан, господствовавшего над массой подданных перегринов. Потребность в прежней сплоченности и, следовательно, правовой однородности гражданского коллектива была утрачена. Ранее она была обусловлена его относительно малыми размерами и привилегированным положением. Поэтому установление политической стабильности при Диоклетиане повлекло за собой более жесткое, чем прежде, расслоение гражданства. Но формально предоставление римского гражданства перегринам как будто создавало предпосылку для однородности юридического поля. Принцепс юридически становился первым гражданином *orbis Romani* или *mundo princeps*, по выражению Сидония Аполлинария<sup>9</sup>. Фигура принцепса приобретала значение символа ускользавшего единства гражданства. Переставая быть первым гражданином в общественной жизни, принцепс сохранял этот свой статус в политической теории. В качестве объединяющего начала он сконцентрировал в своих руках те верховные полномочия и права, которые прежде принадлежали гражданскому коллективу. В позднеантичную эпоху именно в императоре воплощалось единство Империи<sup>10</sup>.

<sup>9</sup> *Apoll.Sidon. Carm. V. 114*. Ср. слова надписи из Вероны в Галлии - *rector orbis et dominus terrarum ac redintegrator coloniae* (CIL. XI. 3089).

<sup>10</sup> *Apoll.Sidon. Carm. II. 3*.

Став как бы формальным представителем всего населения Империи, принцепс только теперь получил законное право на титул *dominus*. Это понятие следует рассматривать не как абстрактный символ господства, а в соответствии с римскими социально-юридическими представлениями. Юридически понятие *dominus* связано с термином *dominium*, которым обозначалась одна из сторон римского представления о власти (*potestas*)<sup>11</sup>. Поэтому *dominus* - это в большей степени характеристика права, а не лица. По определению Ульпиана, *domini appellatione continetur, qui habet proprietatem*<sup>12</sup>. Изначально понятие *dominus* возникло в области семейного права. Право *dominium* в семье имел только *pater familias*<sup>13</sup>. Поэтому, строго говоря, только *pater familias* мог претендовать на титул *dominus*. Однако этот термин обозначал не качество (статус) лица, а его право собственности. Поэтому с развитием отношений собственности он стал применяться более широко. В определенных случаях им могли обозначаться даже лица, находившиеся *in potestate*<sup>14</sup>. Это создавало предпосылку для его использования в переносном значении: вежливом обращении, обозначении дистанции в отношениях выше и нижестоящих<sup>15</sup>.

Использование таких понятий как *pater* и *dominus* в социально-политической терминологии всегда таило в себе определенную двойственность. С одной стороны, они подчеркивали авторитет высшего магистрата и уважение к нему. В этом смысле, видимо, следует понимать Сенеку, сравнивавшего республику с огромной фамилией во главе с отцом-принцепсом (*De clement. I. 1-7*). Также и Плиний (*Paneg. 9;21*), сравнивая власть принцепса с отеческой, не имел в виду ничего большего. Однако, с другой стороны, использование этих терминов в официальном языке могло поднять их до правового уровня и, следовательно, давало право их носителю претендовать на *dominium et potestas* над всем, входящим в государство. Один *imperiū* не давал принцепсу такой власти (*CJ.VI. 23. 3-232*). В III в. стало утверждаться именно такое сочетание его прав и власти. Дион Кассий (53. 18. 3) говорил об императорах, что "прозвище "отца" дает им подобие власти, которой когда-то обладали отцы по отношению к детям". Юристы этой эпохи узаконили данное представление, подняв его до юридического уровня. Поэтому отпуск раба императором стал отличаться от манумиссии, произведенной частным гражданином. *Lex Augusti*, которым он делал раба свободным, фактически был равен *domini (patria) potestas*<sup>16</sup>. При этом, несмотря на власть собственника, и отец семейства, и принцепс были частью каждый своего коллектива, соответственно семейного и гражданского. Не случайно глава семьи иногда именовался *princeps familiae*<sup>17</sup>.

<sup>11</sup> D.50.16. 215: *Potestas verbo plura significantur: in persona magistratum imperium, in persona liberorum patria potestas, in persona servi dominium.*

<sup>12</sup> D.29. 5. 1. 3.

<sup>13</sup> D.50. 16. 195. 2: *Pater autem familiae appellatur, qui in domo dominium habet, recteque hoc nomine appellatur, quamvis filium non habeat; non enim solam personam eius, sed et ius demonstramus.*

<sup>14</sup> D.29. 5. 1. 7: *Domini appellatione et filius familiae, ceterique liberi, qui in potestate sunt, continentur.*

<sup>15</sup> *Sen. Epist. 3. 1; 47. 14; 104. 1; Ovid. Epist. de Pont. II. 8. 26.*

<sup>16</sup> D.40. 1. 14. 1: *Imperator cum servum manumittit non vindictam imponit, sed cum voluit, fit liber is, qui manumittitur, ex lege Augusti.*

<sup>17</sup> D.50. 16. 196 pr.: *Familiae appellatione et ipse princeps familiae continetur.*

Эта нерасчлененность коллектива и его главы стала составной частью римской идеологии императорской власти.

Основным богатством и средством производства у римлян была земля. Она считалась собственностью всего народа, который передоверял часть ее отдельным гражданам, оставляя за собой право контроля<sup>18</sup>. В эпоху Ранней империи провинциальные земли считались собственностью (*dominium*) римского народа и императора<sup>19</sup>. В качестве собственника император выступал представителем *populus Romanus*. До III в. все земли империи делились на подвластные императору (патримониальные, домениальные, фискальные и др.) и непосредственно народу, т.е. гражданскому коллективу. Последние находились в ведении городских общин. От имени *populus Romanus* распределение земли осуществлялось императором. Но когда принцепс начинал воспринимать эту свою функцию как право и, основываясь на нем, вмешиваться в отношения собственности среди граждан, прибегая к конфискациям, это воспринималось обществом как проявление тираничности и деспотизма. В III-IV вв. в качестве представителя римского народа, которым теперь стало все население империи, принцепс приобрел право контроля и над городскими землями. Он как будто превращался во владыку всей земли в империи, подобие архаического сакрального царя, персонифицировавшего весь народ. Такого царя, вероятно, имел в виду Сенека, говоря, *ad reges enim potestas omnium pertinet, ad singulos proprietates* (*Sen. De benef. VII. 4-6*). Но в эпоху Сенеки и Плиния было очевидно, что хороший царь владел всем благодаря империи, а отдельные лица - доминию. Античная форма собственности предусматривала двойной контроль за собственностью: номинальный в качестве суверена со стороны государства и юридический - частного собственника или владельца. В эпоху Ранней империи принцепс выступал в роли орудия воли гражданского коллектива, контролируя от имени *populus Romanus* земельные ресурсы. Поэтому, обращаясь к Траяну, Плиний указывал, что "власть принцепса больше, чем власть собственника" (*Paneg. 50*). Официально приняв титул *dominus*, принцепс заместил собой гражданский коллектив в качестве верховного контролера за собственностью. После Диоклетиана императоры уже могли прибегать к перераспределению собственности в политических целях, то отбирая земли у городов, то возвращая их им.

Право собственности является центральным, основополагающим среди других прав. Поэтому его перенос на принцепса дал ему в руки практически неограниченные правовые полномочия. Ко времени, непосредственно следующему за изданием *Constitutio Antoniniana*, принадлежит известное определение Ульпиана: *Quod principi placuit, legis habet vigorem, utpote quum lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat*<sup>20</sup>. Прежде право издания законов (*leges*) принадлежало только *populus Romanus*. Ни один коллегиальный орган, включая сенат, не мог претендовать на это право. Вскоре после установления Империи законодательная деятельность народных собраний прекратилась. *Leges* временно исчезли. Законодательство вылилось в другие формы. На роль

<sup>18</sup> Штаерман Е.М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978.

<sup>19</sup> *Gai. Inst. II. 7;26a.*

<sup>20</sup> *D.1. 4. 1; Just. Inst. 1. 2. 6.*

законодательного учреждения стал претендовать сенат, а его сенатусконсулты начали уподобляться законам. Однако теоретически это было сомнительно, и Гай считал, что сенатские решения имели силу только "как бы закона" (*legis vicem*)<sup>21</sup>. Но фактически складывалось положение, что, говоря словами Ульпиана, *non ambigitur senatum ius facere posse*<sup>22</sup>. Постепенно инициатива сенатских постановлений сосредоточивалась в руках принцепса. Его предложения (*orationes*) вносились в сенат на утверждение. Обычно оно носило формальный характер и с течением времени сами *orationes* превращались в источник права. В то же время собственные *constitutiones principum* поначалу не имели силы закона. *Edicta et mandata* рассматривались как административные распоряжения магистрата, черпавшие силу в его *imperium*. Поэтому они формально теряли ее со смертью императора. *Rescripta et decreta* рассматривались как толкование действующего права, поэтому были независимы от смены императоров. Уже при Адриане императорские конституции стали принимать силу *legis vicem*. Юристы выводили ее из *lex de imperio*, которым вручалась власть императору. На этом основании постепенно развивалось представление, что императорские указы создают не *ius honorarium*, а настоящие законы - *ius civile*<sup>23</sup>. Персонифицировав собой единство гражданского коллектива, принцепс оказался облечен этим правом вместо народа. Естественно, что после Диоклетиана законодательная власть сосредоточилась исключительно в руках императора. Единственной формой законотворчества стали императорские конституции. *Orationes* превращаются в простое сообщение сенату воли принцепса. Таким образом, в руках принцепса оказался не только *imperium*, но и *summa potestas*, прежде принадлежавшая народу. Наличие двух (или более) Августов не противоречило идее домината. Ведь *domini appellatione etiam pro parte dominum contineri, dicendum est*<sup>24</sup>.

Ульпиан не случайно назвал *lex de imperio principis* царским законом (*lege regia*). Сопоставление царя, заботящегося о народе подобно отцу, и первого гражданина лежало у истоков принципата. Цезарь (как бы ни сомневались в этом), очевидно, претендовал на традиционную царскую власть. Согласно Диону Кассию (53. 16. 4-8), вопрос о царской власти обсуждался и в начале единоличного правления Августа. Последний первоначально претендовал на титул Ромула, но затем уступил его в обмен на множество почестей. Однако установленный им принципат имел тенденцию постоянно тяготеть к царской власти. Жанр императорских биографий дает массу примеров этого. Ромул и Нума в них не менее часто выступают этико-политическим образцом, чем Деций Мус или Корнелий Сципион. Само избрание императоров перекликается с избранием царей, а перерыв между правлениями и в III в. именовался междуцарствием<sup>25</sup>.

Царь в эпоху античной архаики, на которую ориентировались римские представления о нем, был не менее подконтролен обычаям и общественным нормам, чем республиканский

<sup>21</sup> *Gai. Inst.* I. 4.

<sup>22</sup> *D.1. 3. 9.*

<sup>23</sup> *Покровский И.А.* История римского права. Изд. 4-е. Пг., 1918. С. 145-147.

<sup>24</sup> *D.29. 5. 1. 6.*

<sup>25</sup> *Aur. Vict. Caes.* 35. 12; *Epist.* 35. 9; *SHA: Tacit.* I. 1-6

магистрат. Различие состояло в том, что магистрат был в большей степени подконтролен сенату, а царь - народу, получая от него право своевольно трактовать благо народа, отчитываясь перед богами. Использование этого права Тарквинием Гордым, по словам Цицерона, превратило его из царя в *dominus*, "ибо *dominus* - это тот, кого греки называют тираном, а царем называют того, кто подобно отцу заботится о народе."<sup>26</sup> Отделение *dominus* от царя в данном контексте отвечало интересам сената и в конце царской эпохи, и во времена Цицерона. На самом же деле *princeps*, *dominus*, *pater*, *rex* были уживавшимися между собой характеристиками правителя, отмечавшими разные стороны его положения. Понятие *rex* отражало его изначальный сакральный статус.

Сакральность власти принцепса неоднозначно оценивается современными исследователями<sup>27</sup>. Считается, что императоры не могли быть признаны настоящими богами. Понятия *divus* и *deus* не совпадали, а императорский культ отличался от культа Юпитера и других богов<sup>28</sup>. Поэтому культ императора имел больше идеологическое, чем религиозное значение, связывая воедино граждан и peregrinos (*Pax Romana*). Однако фигура сакрального царя, служившая образцом сакральности принцепса, также отличалась от небесных богов. Царь рассматривался более как Герой-сын бога и посредник между богами и людьми. Поэтому у Антонинов и в III в. был столь популярен культ Геракла-сына Юпитера, объединявшего греческую и римскую мифологические системы. В римской политической идеологии концепция царской власти претерпела рационалистическое осмысление еще в республиканскую эпоху. Обожествлялись только умершие императоры. Первый гражданин с магистратскими полномочиями, не имевший статуса *dominus*, не мог претендовать на роль живого бога. Пытавшиеся объявить себя богами Калигула, Домициан, Коммод рассматривались как "дурные императоры"<sup>29</sup>. Обожествление умершего принцепса находило аналогию в легендарной смерти Ромула и превращении его в Квирина. Утвердившийся при Антонинах обычай усыновления императором преемника позволял последнему править в качестве сына бога. Это уравнивало *nomen Antoninus* с *Augustus*<sup>30</sup>. Элий Лампридий отмечал даже, что "Антонины стояли у нас выше богов"<sup>31</sup>.

Однако практически зачастую видели богов даже в тех императорах, которые старательно подчеркивали свою верность гражданским традициям<sup>32</sup>. Идея архаического сакрального царя, от качеств которого зависело благополучие его народа, была близка провинциальному населению, значение которого в общественной жизни Империи

<sup>26</sup> *Cic. Resp.* II. 47.

<sup>27</sup> *Römischer Kaiserkult* / Hrsg. von D. Wlasok. Darmstadt, 1978.

<sup>28</sup> Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 176, 276.

<sup>29</sup> *Aur. Vict.* Caes. 9. 2. 6-8; *Epit.* 9. 6; SHA: *Comm.* 9. 2.

<sup>30</sup> SHA: *Al. Sever.* 6. 1-6; 9. 1-6; 10. 1-8; *Gordian.* 17. 1-5; *Caracal.* 9. 2; *Diadum.* 1. 2; 6. 2-10; 7. 11-3; *Macrin.* 3. 1-9; *Heliogab.* 3. 1.

<sup>31</sup> SHA: *Diadum.* 7. 4.

<sup>32</sup> SHA: *Sept. Sever.* 13. 8; *Al. Sever.* 50. 2; *Calpurn.* *Eclog.* I. 30; IV. 40; *Eutrop.* *Brev.* 8. 4.

повысилось с начала III в.<sup>33</sup> Вбиравшая в себя сакральные прилагательные (*divus, pius, felix*) титулатура императоров стала обрастать ими более целенаправленно. Все, связанное с императором, приобретало божественный (*divinus*) и сакральный (*sacer*) характер<sup>34</sup>. Оформлялась особая атрибутика, окружавшая принцепса. В течение трех веков верные гражданским добродетелям принцепсы отказывались от шелковых одежд<sup>35</sup>. В то же время "дурные" императоры почему-то особенно увлекались шелком<sup>36</sup>. Гелиогабал пытался ввести *adoratio*<sup>37</sup>, а Галлиен старательно изображал из себя "царя растительности."<sup>38</sup> В III в. обычным для императоров становится эпитет *invictus*, которым, согласно Диону Хрисостому, могли именоваться только боги<sup>39</sup>. Галлиеном вводился прижизненный культ Гения императора<sup>40</sup>. Уже Ульпиан называл преступление, состоявшее в оскорблении величества, близким к святотатству<sup>41</sup>. Сформировавшиеся ко времени Диоклетиана придворные обычаи представляли императора *tamquam praesens et corporalis deus*<sup>42</sup>. Поэтому он "первым из всех ... позволил открыто называть себя господином, поклоняться себе и обращаться к себе как к богу"<sup>43</sup>. Однако официально принцепс считался сыном бога - *Jovius, Herculus, Apollonius*.

Для римлян возвышение принцепса до уровня божества не было следствием стремления к самовластию. В таком качестве он мог принести больше пользы гражданам. Синезий писал: "Признаком государя мы считаем его благодеяния, благотворительность в раздаче благ и милостей и другие присущие также и богу качества..."<sup>44</sup> Равнявшие себя с богами Галлиен и Диоклетиан проводили реформы с явно реставраторской направленностью. Мероприятия Диоклетиана были проникнуты античной ментальностью, стремившейся перенести формы гражданского общежития на население Империи. Собственное поведение Диоклетиана напоминает поступки Суллы: опора на армию - восстановление порядка-проведение реформ - восстановление прежнего типа общественных отношений - сложение полномочий. Форма тетрархии явно была навеяна комплексом республиканских магистратур с империем: августы соответствовали консулам, а цезари - преторам.

<sup>33</sup> Штаерман Е.М. Социальные основы... С.287.

<sup>34</sup> Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи (Политические взгляды Сидония Аполлинария) // ЖМНП. 1908. Февраль. С. 312; Шабага И.Ю. Роль культа императоров в конце III-IV вв. по данным Галльских панегириков // Проблемы истории античности и средних веков/ Под ред. Ю.М.Сапрыкина. М., 1982. С. 42.

<sup>35</sup> Tac. Ann. II. 33. 1; SHA: Al. Sever. 40. 1; Aurel. 45. 4; Tacit. 10. 4.

<sup>36</sup> Suet. Cal. 52; SHA: Heliogab. 26. 1.

<sup>37</sup> SHA: Al. Sever. 18. 3.

<sup>38</sup> SHA: Gallien. 16. 2-6.

<sup>39</sup> Dio Chrys. Orat. II. 5.

<sup>40</sup> Штаерман Е.М. Кризис... С. 432-434.

<sup>41</sup> D. 48. 4. 1.

<sup>42</sup> Сергеев В.С. Очерки... С. 669; Шабага И.Ю. Роль культа... С. 43.

<sup>43</sup> Aur. Vict. Caes. 39. 4; 29. Ср.: Paneg. latin. II. 1. 1; 2. 1; III. 11. 2; 114. 2-4; V. 185.

<sup>44</sup> Synes. De reg. 26.



Христианская концепция императорской власти, выраженная Евсевием Кесарийским, развивала идею имитации ею власти бога<sup>45</sup>. В христианской оболочке Евсевий удачно изложил римские представления о принцепсе, более теоретично и упрощенно соединив земной порядок с божественным небесным. Наподобие "отца небесного" император рассматривался им земным отцом своих подданных, возле которого каждый занимает место в соответствии со своим положением и заслугами. Как и в собственно римской политической идеологии, император рассматривался в качестве выразителя единства гражданского коллектива. Император у Евсевия ответствен перед богом за поддержание гармонии в обществе. Он такой же *curator rei publicae*, каким представлялся принцепс Цицерону. По-видимому, ответственность императора перед богом имеет истоком его ответственность перед римским народом в качестве первого его гражданина. "Ведь все принцепсы, как и другие лучшие люди, заслуживают себе бессмертие и прославляются людской молвой наподобие божества только на основании своей жизни, а не согласно захваченным или даже по мере их удач выдуманным ими титулам"<sup>46</sup>. Евсевий более рационально, чем в идеологии III в., разделил бога и императора. Этим он как бы вернул последнему статус гражданского принцепса, сохранив за ним право на сакральность в качестве отсвета сакральности бога. Христианский принцепс выступает первым (лучшим) из сыновей бога.

Это показывает, насколько недалеко по-существу ушла христианская политическая доктрина от собственно римской. Учения, делившие космос на два мира, были популярны в III в. Особое значение в них имел чрезвычайно распространившийся в это время культ Солнца. Солнце как бы соединяло высший мир вечности, где оно царило, и земной мир. В герметических трактатах правитель занимал то же положение: между миром богов и людей. Как и Солнце, обожествленные императоры изображались на квадриге. Это делало их вечными, подобно Солнцу<sup>47</sup>. Культ Солнца в императорской идеологии не был восточным приобретением. Исключая Гелиогабала, императоры III в. ориентировались на римских богов. В надписи из Лептиса Септимий Север назван "Солнцем, рожденным Юпитером."<sup>48</sup> Галлиен приказал поставить себе статую в виде Солнца выше Колосса Родосского<sup>49</sup>.

Изменение положения императора по отношению к социальной структуре, сложные перемены в политическом, правовом, идеологическом осмыслении его фигуры на протяжении III в. показывают, что сопутствовавший этим процессам социально-политический кризис не был следствием случайных обстоятельств. В основе его лежали перемены в организации общества, изменения соотношения между его гражданской и негражданской частями.

<sup>45</sup> Курбатов Г.Л. Политическая теория... С. 103 и след.

<sup>46</sup> *Aur. Vict.* Caes. 33. 30.

<sup>47</sup> Штаерман Е.М. Социальные основы ... С. 271-272.

<sup>48</sup> *Annee Epigraphique*. 1942/43. N 2.

<sup>49</sup> SHA: Gallien. 18. 2.

A. V. KOPTEV

*PRINCEPS ET DOMINUS* :  
**LA QUESTIONE DELL'EVOLUZIONE  
 DEL PRINCIPATO  
 ALL'INIZIO DELLA TARDA ANTICHITA'**

(RIASSUNTO)

Nell'epoca antica la differenza tra i termini *princeps* e *dominus* non aveva quel carattere assoluto che ha attribuito ad essa la scienza moderna. I *principes* del primo Impero venivano spesso chiamati *domini*, mentre le leggi dell'epoca tardoantica chiamavano gli imperatori "*princeps*". In qualit? di *princeps* l'imperatore veniva considerato come il leader della collettivit? civile, in quella di *dominus* come il governante di tutta la popolazione dell'Impero. Non sempre coincidevano anche i problemi che il leader ed il governante dovevano risolvere.

L'editto di Caracalla ha modificato la relazione tra gli *status* del cittadino e del suddito dell'Impero, e cos? ha causato anche il mutamento del rapporto tra i due "volti" dell'Imperatore. Da questo momento l'Imperatore diventa, secondo un'espressione di Sidonio Apollinare, *mundi princeps* conservando, nella teoria politica, lo *status* di primo cittadino e concentrando nelle sue mani i supremi poteri ed i diritti prima appartenuti alla collettivit? civile.

Essendo ormai formalmente il rappresentante di tutta la popolazione dell'Impero, il *princeps* ottenne il diritto di essere chiamato *dominus*. Questo termine permise di considerare l'Imperatore come il padre (*pater*) dei propri sudditi. Tentativi di questo genere li fecero gi? Plinio e Seneca, ma ufficialmente poterono essere realizzati solo nel III secolo. L'utilizzo di questi termini nella lingua ufficiale poteva elevarli al livello di legge e dare al loro titolare il diritto di pretendere il *dominium et potestas* su tutto ci? che faceva parte dello stato.

Il fatto che nel III secolo si stabilisca proprio questa correlazione tra i diritti ed il potere, trova conferma nell'opera di Dione Cassio (53. 18. 3). In qualit? di *dominus* l'Imperatore veniva considerato proprietario di tutto il territorio delle province. Fino al III secolo invece, il suo intervento negli affari riguardanti la propriet? delle comunit? cittadine veniva ritenuto come una manifestazione di dispotismo. Tra il III ed il IV sec. il *princeps*, come rappresentante del *populus*

*Romanus* (che ormai consisteva in tutta la popolazione dell'Impero) ha avuto il potere di controllo sui *agri publici* cittadini e si ? sostituito alla collettivit? civile nel posto di supremo controllore della propriet?. Ci? ha conferito all'Imperatore diritti illimitati. Per questo, dopo l'emanazione della *Constitutio Antoniniana* ? nata la definizione di Ulpiano: *quod principi placuit, legis habet vigorem*.

Al tempo di Diocleziano il potere legislativo si concentr? esclusivamente nelle mani dell'Imperatore che personificava l'unit? della collettivit? civile. Ulpiano chiama *lex de Imperio principis* la legge regia. Il paragone del primo cittadino con un re, il quale si prende cura del proprio popolo come un padre, stava alla base del principato. Le nozioni di *dominus, princeps, pater, rex*, coesistevano come caratteristiche dei diversi lati della posizione di governante.

I pieni poteri del re servivano come base per le pretese del *princeps* alla sacralit?, mentre l'idea arcaica e sacrale di un re, da cui dipendeva il benessere del popolo, ? stata ben accolta dai provinciali.

Come gli antichi re, l'Imperatore veniva considerato come un intermediario tra gli dei e gli uomini. Perci?, durante il II ed il III secolo, era in voga il culto di Ercole, figlio di Giove, ed il culto del Sole. L'elevazione del *princeps* allo *status* di divinit? non rappresentava una tendenza verso un potere autoritario.

In questa nuova qualit? l'Imperatore poteva essere pi? utile per i cittadini. Perci?, l'idea di Eusebio di Cesarea sull'emulazione da parte dell'autorit? imperiale dell'autorit? divina, diede solo una forma cristiana al concetto romano di *princeps* il quale univa l'ordine terrestre con quello celeste. La responsabilit? dell'Imperatore davanti a Dio per il mantenimento dell'armonia nella societ?, fa pensare, secondo Eusebio, al *curator rei publici*, che era il *princeps* immaginato da Cicerone.